

прогул, чтоб посадить его в ШИЗО. Начальник записал прогул, но в день, когда по всей колонии был объявлен выходной.³⁸⁰

Все эти просчеты КГБ шли на руку диссидентам. Они часто пользовались неграмотностью, а часто просто подкупностью лагерников. В своих воспоминаниях диссидент Ковалев подтверждает нашу гипотезу: «Я боялся более тонкой и коварной работы. У них все было в руках, они могли фальсифицировать что угодно, но они не умели это делать. Даже этого не умели»³⁸¹.

Одним из самых распространенных способов передачи информации были т.н. «пульки», когда заключенные проглатывали специально изготовленный полиэтиленовый капсульт и передавали его во время свидания. С. А. Ковалев: В конце концов эти проглоченные пульки были просто неуловимы. Они приходили на свиданку и говорили – «а, все знаем: сейчас поведем в санчасть и будем проверять специальными приборами». Но люди интеллигентные и понимают, что никакого специального прибора не существует. Никакой рентген вам ничего не даст»³⁸². Плотность бумаги не отличалась от плотности обычного содержимого кишечника. Лагерники видели, что рентген ничего не дает; отпускали заключенного, а потом узнавали, что он передал информацию.

Были случаи, когда заключенные просто разговаривали между собой по-английски, а наблюдатели не могли их понять.

Все эти и многие другие эпизоды, связанные с неподготовленностью лагерной администрации пермских лагерей привели итоге к провалу «пермского эксперимента». Именно в невнимании к подбору контрольного персонала лагеря, на наш взгляд, кроется одна из существенных недоработок КГБ в борьбе с инакомыслием в 70-е гг.

Если на воле система безопасности смогла ответить на вызов времени и интенсифицировать, усложнить свою деятельность, то в лагерях все изменения носили больше экстенсивный характер – проводилось ужесточение режима и условий содержания, однако интеллектуализация в деятельности самих носителей охранной системы не произошло.

П.В. Каплин
Екатеринбург

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Самым важным событием для Русской Православной Церкви в начале XX в. стало проведение Поместного Собора 1917 – 1918 гг. Это событие стало началом нового периода в Русской Церкви, которая в течение более двух сот лет не имела возможности свободно развиваться и решать возникающие проблемы посредством церковных соборов.

Попытку утвердить идеал симфонии в новых условиях, когда империя пала, предпринял Поместный Собор 1917 – 1918 гг. Однако уже через два месяца работы Собора в стране произошел очередной государственный переворот, и власть перешла к партии большевиков. В новых условиях, когда на Поместном Соборе выработывалась позиция Церкви по отношению к государству, государственная власть заняла такую позицию, когда диалог с Церковью не был даже предусмотрен.

Воплощая в жизнь свое видение места Церкви в Советской республике, СНК был принят 20 января 1918 г. декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Этот декрет в некоторых работах называется «декретом об отделении Церкви от государства»,³⁸³ что является не совсем правильным. Связано это стереотипное

³⁸⁰ В. Буковский. Указ. Соч. С. 244.

³⁸¹ Интервью с Сергеем Адамовичем Ковалевым, 2 кассета/ Материалы музея «Пермь 36».

³⁸² Там же. 3 кассета.

³⁸³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. М.; Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. С. 9 и др.

название с тем, что первая статья декрета провозглашала отделение Церкви от государства. Но сам декрет назывался «Декретом СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах».³⁸⁴ К тому же юридически более корректно следовало говорить об отделении религиозных организаций от государства, а не Церкви, поскольку закон не давал юридически точного определения понятию Церковь. Но, тем не менее, Церкви продолжала существовать в Советской республике.

Огромное значение для Церкви имела 12 статья, гласившая, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Это было прямым следствием принципа, игнорирующего организационное устройство религиозных сообществ и признающего религиозные права только индивидуумов. А раз не признавалась возможность существования религиозной организации, то упразднялся и субъект гражданских прав, который мог бы обладать правами юридического лица.

Естественно, такие права как для отдельных верующих так и для общин были нонсенсом для практики Православной Церкви. Никакими канонами не были предусмотрены такие права для отдельных общин, ведь с древности было известно правило: «без епископа нет Церкви». Советское же законодательство, как говорилось в «разъяснении» наркомата юстиции от 25 июля 1924 г., предусматривало, что «подчинение отдельной группы граждан, а также и священнослужителей своему епископу является в РСФСР, как и во всей Западной Европе, совершенно добровольным, так как налагаемые церковной властью канонические кары и наказания за непокорность и неподчинение духовной власти в роде отлучения, интердикта, низложения, лишения должности, перемещения и т. д. не имеют никакой юридической силы в РСФСР, потому что не от епископа, а от самой группы верующих зависит сделать свободный выбор между епископом или угодным группе священнослужителем».³⁸⁵

В то же время при помощи ОГПУ в Советском Союзе были созданы две «альтернативы» Православной Церкви – обновленческая в 1922 и григорианская в 1926 гг. раскольнические иерархии, которые сразу после появления получили регистрацию в НКЮ. Причем обновленческая иерархия была признана на Православном Востоке как «Российская Православная Церковь». Собственно Православная Церковь продолжала существовать в СССР фактически нелегально. Все попытки Патриарха Тихона исправить положение остались безуспешными.³⁸⁶

Его преемнику митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) в ответ на стремление стабилизировать положение Православной Церкви были предложены в 1925 г. следующие условия легализации: 1) издание декларации определенного содержания; 2) исключение из ряда управляющих епископов неугодных власти; 3) осуждение заграничных епископов; 4) поддержание контакта в своей деятельности с правительством в лице Е.Тучкова (начальника 6 отделения секретного отдела ОГПУ). Эти условия легализации митрополит Петр решительно отверг, что стало одной из главных причин его устранения от управления Русской Церковью в декабре 1925 г. Изменить ситуацию удалось лишь сменившему митрополита Петра (Полянского) в деле управления Церковью митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому).

В 1926 г. этим иерархом был составлен и разослан в епархии проект послания, которое по-прежнему оставалось требованием ОГПУ для регистрации. Но этот проект самим ОГПУ одобрен не был. Последовавшая затем попытка нелегального избрания Патриарха – сам митрополит Сергей (Страгородский) принял на себя права и обязанности

³⁸⁴ Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Библийско-Богословский институт святого апостола Андрея, 1996. С. 29.

³⁸⁵ Цит. по: Православный церковный календарь на 1927 г. / Под ред. архиеп. Григория (Яхковского). Свердловск : Издание Е.Н. Львова, 1927. С. 37.

³⁸⁶ См.: Вострышев М.И. Патриарх Тихон. М. : Молодая гвардия, 1995. С. 279-271, 289 и др.

Патриарха по завещанию и такое положение в Церкви было вынужденным – привела к арестам архиереев, в том числе и митрополита Сергея.

В это время, вероятно, была «согласована» с ним вторая редакция послания, в позднейшем получившего название «Декларация». Из рассказов его ближайшего помощника, митрополита Сергея (Воскресенского), известно, что в тюрьме под угрозой расстрела арестованных архиереев и священников, а также его родной сестры от митрополита Сергея (Страгородского) требовали сделать заявление в поддержку советской власти, осудить контрреволюционные выступления внутри страны и за рубежом, наложить церковные прещения на эмигрантское духовенство, устранить неугодных властям епископов от управления епархий. Кроме того, в ОГПУ настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с ним, арестованные архиереи увольнялись или даже запрещались в священнослужении церковной властью и прекращалось их поминовение за богослужением, гражданская же власть должна была обязательно поминаться на литургии.³⁸⁷

30 марта 1927 г. митрополит Сергей был освобожден, а 7 мая обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. 20 мая НКВД выдал справку о регистрации митрополита Сергея (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Синода. Только после государственной регистрации митрополита Сергея и Синода Восточные Патриархи, вначале Иерусалимский Дамриан, а потом и Антиохийский Григорий прислали грамоты митрополиту Сергию и Синоду и признали его временным главой патриаршей Церкви.

То есть можно говорить лишь о регистрации центральных органов управления Церковью. Хотя, протоиерей В. Цыпин и утверждал, что «всем становилось ясно, что «Декларация» повлекла за собой не только легализацию Церкви...»³⁸⁸, следует говорить о легализации высшей церковной власти, а не всей Русской Церкви. В отношении других уровней управления в послании («Декларации») отмечалось следующее: «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д.».³⁸⁹ В соответствии с этой мыслью был издан указ от 25 мая 1927 г. «О регистрации на местах органов епархиального управления». Но получила ли распространение регистрация епархиальных органов управления?

Одни из современных авторов весьма категорично утверждает, что «легализовав епархиальные советы, советская власть пыталась и их сделать проводниками своего влияния на ход церковных дел на местах».³⁹⁰ Однако никаких подтверждений тому, что епархиальные советы были зарегистрированы он не привел. В одной из работ, посвященных истории отдельной епархии утверждается, что случай регистрации в крайней мере одного, епархиального управления был.³⁹¹

Архивные документы свидетельствуют о том, что имело место всего лишь заявление, поданное в административный отдел Свердловского горисполкома епископом Аркадием (Ершовым), являвшимся в то время Кунгурским архиереем и временно управляющим

³⁸⁷ См.: Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. – М.: Ковчег, 2003. С. 127; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 87; Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. / В. Цыпин. Кн. 9, 1917 – 1997. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. С. 157-158.

³⁸⁸ Цит. по: Там же. С. 164.

³⁸⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во имя Всемилощивого Спаса, 1994. С. 510.

³⁹⁰ Цыпин В., протоиерей. Ук.соч. С. 174.

³⁹¹ См.: Лавринов В., протоиерей. Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург: УрГУ. 2000. С. 53.

Свердловской епархией. При этом на заявлении была поставлена карандашом в правом верхнем углу резолюция «Временно оставить без ответа».³⁹² Сведения о регистрации епархиальных управлений в современных исследованиях фактически не приводятся.

Много спорных мнений появилось в исследованиях и в отношении той цены, которую пришлось заплатить митрополиту Сергию (Страгородскому) за регистрацию. Как правило, чаще всего указывается новая кадровая политика и издание «Декларации» 29 июля 1927 г.

При оценке этого документа часто, с одной стороны, не обращают внимание на изменение политической обстановки в стране. Например, М.В. Шкаровский утверждает, что «митрополит Сергей при всей своей дальновидности и осмотрительности ошибся в расчетах на то, что его уступки позволят свернуть репрессии священнослужителей».³⁹³ Но руководство Советского Союза в 1927 г. и в 1929 г., когда началась общесоюзная кампания по закрытию храмов и т.д., не было «идентичным»...

С другой стороны весьма распространено не различение целей, которые ставило ОГПУ при фактическом навязывании «Декларации» (в определенной редакции) и те цели, которые ставил митрополит Сергей, согласившись подписать ее. В свете современных знаний о целях церковной политики руководства СССР известно, что конечная цель ее виделась в уничтожении Русской Церкви и, поэтому, «Декларация» должна была как-то вписываться в эту политику. Соответственно, руководству страны не нужно было заверение о лояльности как таковое – с одной стороны, существование Церкви в стране, где строился социализм, по замыслу его архитекторов было «не нужным», с другой стороны, при проводимой репрессивной политике практически никогда не учитывалась фактическая аполитичность членов Церкви.

Смысл издания этого документа небезосновательно видится многими исследователями в создании таким путем ОГПУ повода для новых споров внутри Церкви и появления новых церковных группировок. Например, одним из последствий легализации Церкви стало, как обвиняли некоторые современные митрополиту Сергию архиереи, и как обвиняют его сегодня представители Русской Православной Церкви за рубежом, а также некоторые российские исследователи, в допущении им вмешательства ОГПУ – НКВД в кадровую политику (привел Церковь к «лжесимфонии»).

Об этом, например, так повествует современный историк М.В. Шкаровский: «Следует отметить, что к весне 1927 г. политика ОГПУ по ликвидации единого центра Патриаршей Церкви была близка к успеху. Шантажируемый угрозой ареста всей православной иерархии, в обмен на «легализацию» Патриархии, митр. Сергей согласился выполнить основные требования властей и прежде всего допустить их вмешательство в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия ОГПУ, перемещение архиереев по политическим мотивам и т. п.».³⁹⁴

Такие обвинения, на наш взгляд, являются не совсем основательными. Если рассмотреть историю Русской Церкви в аспекте осуществления ее кадровой политики, то получится, что ни при князьях, ни при царях и, тем более, при императорах кадровые изменения не происходили в условиях абсолютной независимости. После прихода к власти большевиков ситуация с кадровой политикой для Церкви в лучшую сторону не изменилась. Поначалу, еще во время гражданской войны, от не угодных власти представителей духовенства и епископата избавлялись физически, путем убийства. А чем это не вмешательство в кадровую политику (ситуацию) в Церкви? После окончания гражданской войны методы вмешательства становились все более изощренными. Помимо

³⁹² См.: Смутное время в Русской Православной Церкви : документы уральских епархий 1920-х гг. // Архивы Урала. № 9-10, 2006. С. 128-129.

³⁹³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939- 1964 гг.). М., 1999. С. 87.

³⁹⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939- 1964 гг.). М., 1999. С. 87.

расстрелов, начали применять ссылки представителей духовенства и епископата, содержание их в тюрьмах, и всё это фактически при отсутствии состава преступлений!

Еще одним методом влияния на кадровую ситуацию в Церкви стали методы административного воздействия: не удобному, например, епископу (не удобному в принципе, либо не удобному для нахождения в каком-либо городе и т.д.) не позволяли выезжать из города, жить в определенных городах, либо даже выезжать в некоторые города. Таким образом, при новой власти никакой полной автономности (о которой шла речь в различных издаваемых ею законах) в управлении руководство Русской Церкви не получило. Именно в связи с такой ситуацией Патриарх Тихон сетовал, что он назначает архиереев на юг, а их отправляют на север.³⁹⁵ Такую ситуацию правительство СССР, конечно, не собиралось менять, поэтому перед митрополитом Сергием (Страгородским) встал вопрос не о том, как не допустить вмешательство государственных чиновников в дела церковные (прежде всего, в подбор кадров), которое помимо его воли уже осуществлялось, а как сохранить канонический строй Церкви в сложившейся ситуации. Соответственно легализация деятельности органов высшего церковного управления кардинально не меняла ситуацию в этом отношении.

Конечно, все обстоятельства принятия митрополитом Сергием (Страгородским) решения на регистрацию, на издании того, или иного документа не могли быть известными большинству представителей даже духовенства. Поэтому вопрос о необходимости регистрации, цене ее получения вызвал большие споры и породил множество мифов как среди современников этого события, так и среди исследователей новейшей истории Русской Православной Церкви.

А.А. Керимов
Екатеринбург

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В истории становления российского парламентаризма можно выделить четыре крупнейших этапа. Это этапы «протопарламентаризма» (IX – XIII вв.), «сословно-представительного» парламентаризма (конец XV в. – XVII в.), движения к буржуазному парламентаризму (с XVIII в. до 1917 г.) и становления современного парламентаризма (с сер. 80-х гг. XX в.).

Период с 1917 г. до середины 80-х гг. XX в. в истории российского государственного строительства характеризуется как особая эпоха, где организация государственной власти осуществлялась на альтернативных парламентаризму началах. В советской политической системе общей модели парламентаризма с большими ограничениями соответствовали Всероссийский (Всесоюзный с 1924 г.) Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), а позднее – Верховный Совет, съезды Советов. Эти органы в политической системе общества были второстепенными элементами, которые не располагали реальными рычагами воздействия на происходящие процессы. Их компетенция и статус не соответствовали принципам парламентаризма и носили имитационный характер.

Применительно к России вышеприведенная периодизация становления парламентаризма является условной, поскольку Россия, в отличие от стран Запада, имеет свою особенность развития, выражающуюся в главенствующей роли государства в процессах социальной интеграции и изменении общественных отношений.

Первый этап в созревании зачатков отечественного парламентаризма связан с историей политического развития Киевской Руси и земель Новгорода и Пскова.

Проявления демократической организации власти были известны еще со времен Древней Руси. В частности, договоры, которые заключались отдельными городами с княжескими дружинами, как бы содержали в себе элементы разделения властей.

³⁹⁵ Акты. Указ. соч. С. 348.